

Часть I

ЗАПАДНЯ

ГЛАВА 1

— Ласточка, баксята берем? — спросил краснощекий молодой человек, заглядывая в окошко пункта обмена валюты.

Не дожидаясь ответа, он достал портмоне, извлек из него две зеленые купюры с портретом надменного старика в овальной рамке и показал деньги кассирше.

— Возьми два стольника. — Парень небрежно швырнул банкноты в окошко.

Со скучающим видом краснощекий принялся обозревать немногочисленных посетителей обменника. В этот предобеденный час их было только двое: высокий, темноволосый мужчина и вызывающе красивая брюнетка. Они вошли в тесное помещение сразу за краснощеким. Невольно позабыв о деньгах, парень обернулся к соседке по очереди. Переводя взгляд со стройных ног брюнетки все выше и выше, он нагло ухмылялся.

Спутника красоти дерзкое поведение краснощекого абсолютно не волновало. Не обращая внимания на сальный взгляд плотно сбитого крепыша, он подошел к стенду, висящему на стене. Подняв голову, темноволосый принялся читать по большей степени бесполезную для рядового клиента информацию. Казалось, он всецело доверял своей эффективной подруге и был уверен в способности брюнетки дать достойный отпор любому наглецу, даже такому, чья рожа по габаритам и цвету не уступала стоп-сигналу железнодорожного семафора.

Дарья Угланова, известная своими скандальными репортажами московская журналистка, действительно была женщиной незаурядной. За резкий нрав, тонкую талию, неумное любопытство и острый как бритва язык коллеги прозвали ее осой. Владельцы издания, где работала журналистка, терпели ее уколы и нрав, многое ей прощали. Репортажи Дарьи всегда привлекали внимание читателей, а значит, издание приносило доход. Но сейчас, устав от разгребания грязи повседневной российской действительности, Угланова находилась в творческом отпуске, нащупывая тему для очередного журналистского расследования. Редактор не торопил. Отпуск затягивался, а деньги, гонорар от прошлой статьи, таяли, как мартовский снег под весенними лучами солнца.

Жизнь в Москве дорога. Как-то незаметно бывшая столица «республик свободных» уверенно заняла первые строчки в рейтинге самых дорогих городов мира. «Отчизна в дерьме, а Первопрестольная в золоте», — отпуская каламбурчики непосредственный начальник Углановой, когда-то приехавший из провинции и в глубине души недолюбливавший москвичей. Но город и особенно работа обязывали держать себя в форме, соответствовать столичному уровню современной женщины, пишущей убойные статьи для толстых журналов в гляцевых обложках. Поэтому Дарье приходилось часто раскошелиться на посещение фитнес-клубов, бутиков, магазинов, торгующих продукцией известных косметических фирм. Правда, делала она это не без удовольствия, останавливаясь только тогда, когда в кошельке начинал гулять ветер.

Заглядывая в пустой холодильник, Дарья проклинала себя за расточительство и лень, не позволявшие накопить запасы, как положено хорошей хозяйке, и обещала себе первым делом отправиться на рынок и по магазинам. Затем начинала усиленно вспоминать, где находится небольшая заначка и есть ли она вообще.

Абсолютно непрактичная в житейском плане, журналистка перерывала содержимое ящиков стола, ворошила стопки

бумаг, искала деньги повсюду и, как правило, что-то находила. В долг Дарья принципиально не брала, ценя прежде всего свою независимость.

На сей раз результат превзошел ее ожидания. В кожаной сумке, висевшей на крючке вешалки в прихожей и покрытой сантиметровым слоем пыли, она обнаружила триста долларов! Часть гонорара, выплаченного одной международной организацией, борющейся против сексуальной эксплуатации детей. В свое время Угланова расследовала делишки местных педофилов, размещавших на интернетовских порносайтах изображения своих мерзких утех с малолетками. Раствители искали зарубежных спонсоров, предлагая за «зеленые» детишек любого пола и весьма юных лет.

Материалы расследования наделали много шума. Среди подонков, выставлявших детей на продажу, оказались сотрудники милиции, занимающиеся «перевоспитанием» трудных подростков, и даже один педагог-новатор, директор провинциального детского дома. Педофилов арестовали, вкатив на суде солидные сроки. А на зоне, по сведениям, добытым Дарьей, зэки вынесли им свой приговор. Некоторым отбили все что можно отбить, а других использовали на всю катушку для удовлетворения сексуальных потребностей многочисленных обитателей исправительно-трудовых учреждений. Так что деньги международной организации — это такое материальное выражение благодарности за борьбу со злом — пришлось смелой журналистке очень кстати. Потому что к ней с неожиданным визитом нагрянул человек, очень много значивший для Даши Углановой.

— Святой, ты всегда появляешься без предупреждения! Сваливаешься как снег на голову. Что за удивительная способность приходит в самый неподходящий момент? — ворковала Даша после обмена поцелуями, явно слишком продолжительными и крепкими для просто дружеской формальности, обнимая высокого темноволосого мужчину.

— Это моя специальность, — улыбался гость, нежно прикасаясь ладонью к щеке девушки.

— Надо отметить нашу встречу! — шептала журналистка, увлекая гостя за собой в глубь квартиры.

— Извини, я не при деньгах, — смущенно вторил темно-волосый.

— Какие проблемы! Дама угощает... Прогуляешься со мной до обменника?

Они прошли на кухню. Дарья уселась за стол, подперев кулачками подбородок, и влюбленно уставилась на мужчину. Гость устроился на угловом диванчике, обогнув распаханную дверку сверкающего пустыми внутренностями холодильника. Желая убедиться в отсутствии съестных припасов, а может, чтобы скрыть некоторое смущение, вызванное бурным проявлением чувств журналистки, гость заглянул в ледяное нутро почти двухметрового ящика:

— Распустилась, Дашка. Хозяйство в полном упадке! Никаких припасов, никаких деликатесов. На жесткую диету села?

Обиженно надув губы бантиком, заложив руки за голову и сцепив на затылке пальцы с тщательно ухоженными длинными маникюренными ногтями, хозяйка наигранно сердито фыркнула, став похожей на избалованную кошку, которой захотелось порезвиться от избытка сил и энергии:

— Красоту диетами не поправишь. На фиг они мне сдались! Голодомором пусть дурехи занимаются, которых природа обделила. Я по жизни девчонка хоть куда! Айда по магазинам вкусности добывать!

Гость поднялся, с явным удовольствием подчиняясь приказу. Быстро собравшись, они вышли на улицу и направились в сторону ближайшего пункта обмена валюты. Всю дорогу Дарья шла, подхватив мужчину под руку и ни на секунду не отрываясь от него. Лишь ступив на выщербленные ступени лестницы, ведущей к полуоткрытой металлической двери меняльной конторы, она неохотно отпустила локоть темно-волосого.

— Слышь ты, коза, чего вошкаешься? — нетерпеливо бросил парень, повернувшись к окошку.

Внимание краснощекого переключилось со стройных ног журналистки на действия практически невидимой для посетителей кассирши. Голос его, грубый с примесью хрипотцы, звучал слишком самоуверенно и нагло. Парень явно нервничал, неумело скрывая свои чувства. Он раздраженно переступал с ноги на ногу, поглаживая ладонью могучий затылок с тройными складками кожи.

— Не мешайте работать! — пискляво отозвалась кассирша, молоденькая крашенная блондинка, которую уже достали клиенты обменника, сырые стены полуподвального помещения, яркий свет люминесцентной лампы и нескладуха в личной жизни.

Поднеся к правому глазу лупу, девушка читала микротекст литер федерального банка США слева от портрета надутого старика. Затем она принялась изучать рельефное изображение мехового воротника шубы, в которую кутался бумажный Бенджамин Франклин. Ее взгляд переместился на подпись казначея, серийный номер купюры, заявление о платежеспособности и номиналы, расположенные по краям банкноты. Обычная проверка валюты занимала от силы несколько минут, но после вчерашней ссоры с другом сердца девушка была не в настроении. Хамское обращение клиента лишь подлило масла в огонь.

Отложив увеличительное стекло, блондинка устало потерла виски. Теперь по инструкции следовало проверить банкноты под ультрафиолетовым излучением. Тестовый аппарат, небольшая черная коробочка, был отодвинут в дальний угол стола во время последнего чаепития. Перегнувшись через стол, блондинка придвинула тестер к себе. Это движение, похоже, отняло у нее последние силы. Вместо того чтобы включить тестер, девушка уставилась абсолютно ничего не выражавшими глазами в широкую физиономию клиента.

— Что? — не разжимая губ, спросил краснощекий.

Кассирша встрепенулась, выходя из секундного забытья:

— Ничего! Вы голову-то уберите. Застрянете ненароком. Придется службу спасения вызывать. — В голосе девушки зазвучали язвительные нотки.

Но краснощекий крепыш не обиделся. Он лишь шумно вздохнул и, побряхывая, расправил плечи:

— Давай, милая, отстругай побыстрее деревянных. Меня любимая заждалась. На цветы и шампанское не хватает... А баксыята чисто натуральные. Не сомневайся! Только вчера напечатал!

Довольный собственной шуткой, крепыш оглушительно расхохотался, приглашая взглядом присоединиться к веселью окружающих. За перегородкой между тем жалобно скрипнул стул, на котором заерзала нервная блондинка:

— Папа Карло стругает! А я с валютой работаю. Так что ведите себя поприличнее! — раздраженно взвизгнула она. — Меня этой идиотской шуткой по сотне раз на день достают. Доконали юмористы доморощенные. Тут от ответственности голова раскалывается, а они лезут, точно на толкучку пришли с бабками языки почесать!

По правилам вступать в дискуссии с клиентами работникам обменных пунктов не рекомендуется и руководством некоторых банков просто запрещено. Но душа блондинки, переполненная жалостью к себе, замешанной на ненависти к мужскому роду, этих прирожденных обманщиков, похотливых котов и жестокосердных тварей, как она полагала, требовала разрядки. Воспоминания о любовнике, который оказался женатым мужчиной, жгли сердце кассирши.

— Прекратите меня отвлекать! — грозно насупившись, предупредила она, подыскивая в уме слова похлеще.

Тип с водянистыми круглыми, словно у рыбы, глазами отшатнулся от окошка. Он что-то буркнул себе под нос, оглянулся, надеясь на поддержку со стороны посетителей обменника. Но скоротечным конфликтом никто не заинтересовался. Эффектная брюнетка, на которую краснощекий положил глаз, демонстративно отошла к своему спутнику, чтобы

вполголоса завести неслышный разговор. Кассирша, совладав с чувствами, занялась повторной проверкой купюр.

Оставшись в одиночестве, парень развернулся на девяносто градусов. Широко расставив ноги, он оперся плечом о стену. Покопотившись в карманах, беспокойный клиент обменника достал помятую пачку сигарет «Парламент».

— ...паренек какой-то дерганый, — тихо делилась наблюдениями Дарья Угланова.

— Нормальный бычок. Мнит себя центром Вселенной. Крутым хочет казаться. Таких теперь много, — ответил спутник журналистки.

Бывший майор частей специального назначения Дмитрий Рогожин, по прозвищу Святой, человек уже давно играющий по своим правилам, не совпадающим с тесными рамками закона, слукавил. Интуиция или, скорее, инстинкт подсказывал другое: от лупоглазого исходила скрытая угроза. Просчитывать возможные неприятности способны многие, предчувствовать приближение опасности без видимых на то причин могут считанные единицы. Святой, много раз балансировавший на тонкой грани, отделяющей жизнь от смерти, обладал такой способностью.

— Давай уйдем? — тихо предложил он.

Дарья недоуменно уставилась на своего спутника:

— Ты чего? Сейчас этот двуногий телескоп получит бабки и отвалит. Какого черта нам метаться от обменника к обменнику? Я проголодалась, и ты, думаю, от банкета с деликатесами под бутылку хорошего вина не откажешься. Зачем время зря терять?!

— Умеешь соблазнять, — улыбнулся Святой.

Он слишком долго откладывал визит, улаживал неотложные дела, успев смертельно соскучиться по Даше. Собственно, и в этот раз он не собирался заходить, изменив планы из-за внезапно нахлынувшей горечи одиночества. Много лет бывший майор с тронутыми ранней сединой висками вел персональную войну. Жизнь подбрасывала новых противников, проводя его по самым мрачным кругам ада суровой

действительности страны, которой майор когда-то присягал служить до конца. Потом оказалось, что высокие чины — прокуроры и судьи — не стоят на страже закона, а сами творят несправедливость. Играть по гнилым правилам продажных законников Святой не стал, предпочитая жить по своему кодексу чести, главным пунктом в котором была справедливость.

Но жизнь остается жизнью. Головокружительная последняя передрыга добавила ему седины и до предела вымотала Святого. Тихое существование мирного обывателя стало вершиной его мечтаний. Он постарался осуществить мечту, ведя уединенный образ жизни в спокойном подмосковном городке, утопавшем в зелени садов. Святой бросил якорь в тихой гавани, не загадывая, сколько продлится это затишье.

— ...брат, огонька не найдется? — Лупоглазый чиркал за жигалкой, выдававшей искру, но не пламя.

— В помещении не курят! — неприязненно отозвалась Дарья, указывая наманикюренным ногтем на соответствующую табличку с изображением сигареты, перечеркнутой жирной красной линией.

— Насрать! — коротко отреагировал парень, перекатывая «Парламент» в уголок мокрогубого рта.

Не желая разжигать скандала, Угланова замолчала, теребя спутника за рукав черной джинсовой рубашки. Это был сигнал не связываться, одновременно служивший знаком согласия уйти из обменного пункта. Ожидание в обществе хамоватого бугая и нерасторопной кассирши становилось слишком утомительным.

— Пойдем? — переспросил Святой.

Журналистка энергично потрянула головой, на секунду отвлекшись, чтобы поправить челку, упавшую на глаза.

— Эй, мужик, не жлобись, дай прикурить, — хриплым баском напомнил о себе краснеющий.

Где-то снаружи, на улице, взвизгнули тормоза подъехавшей машины. Хлопнули двери, и вслед за этим громким ак-

кордом раздались грозные шаги людей, поднимающихся по лестнице.

Дарья опередила Святого. Достав из сумки зажигалку, она быстро приблизилась к назойливому верзиле, на ходу добывая огонь.

— Вот спасибоочки! — кривя губы в неприятной ухмылке, прогугнил лупатый.

Ему было приятно прикурить сигарету от огня, поднесенного сногшибательной дамой, а не суровым мужиком с внешностью мастера по восточным единоборствам.

Но прикурить парень не успел. За его спиной, в тесной камерке, отгороженной от основного помещения перегородкой, громко охнула кассирша. Люминесцирующие в ультрафиолетовом излучении банкноты напоминали карту звездного неба, сигнализируя о том, что стольник лупатого не прошел проверку на подлинность.

— Ваши деньги фальшивые! — звенящим от напряжения голосом объявила кассирша.

— Туфта! Не может быть... — выдохнул клиент.

— Я обязана изъять деньги и вызвать милицию.

— погоди! Не гони ботву. Закатай в свою хренову машинку второй стольник, — не сдавался лупатый, пытаясь просунуть круглую, словно шар из кегельбана, голову в узкий проем окошка.

Казалось, он даже уши прижал, стараясь проникнуть в святая святых обменника — клетушку, где проводила операции нервная блондинка.

— Второй тоже чистый фальшак! — отрубил она, нащупывая под столом сигнальную кнопку вызова стражей правопорядка.

На сотую долю секунды в помещении воцарилась гробовая тишина. Незадачливый клиент, владелец липовых долларов, выпрямился. В его выпученных глазах отражался профиль журналистки.

— Пробросили, сучары, — сорвалось с побелевших губ.

Но огорчение и разочарование моментально сменились

маской животного ужаса, искажившей и без того неприятные черты широкого лица верзилы. Он увидел посетителей, бесшумно вошедших в обменник. Пара субъектов, одетых в короткие одинаковые кожаные куртки, заблокировали выход.

— Налим, ты чужое взял, — с ласковым оскалом крокодила произнес невысокий тип, обращаясь к смертельно испуганному парню, у которого явственно задрожали подогнувшиеся колени.

Второй, чуть повыше и крепче сбитый, медленно растегнул замок куртки, доставая заткнутый за пояс пистолет с глушителем. Оба не обращали никакого внимания на остальных посетителей, словно это были не люди, а бестелесные тени. Ствол пистолета, движимый рукой человека с пустыми холодными глазами, неспешно поднялся вверх. Неожиданно хищное дуло качнулось в сторону Святого, инстинктивно шагнувшего к журналистке.

— Без глупостей, приятель, — процедил сквозь зубы старший, невысокий бандит с непропорционально длинным носом, придававшим ему сходство с дятлом.

Святой поднял руки, демонстрируя полную покорность воле вооруженных людей.

— Так-то лучше, — почти нежно пробормотал субъект, известный в преступных кругах под кличкой Шило.

Достав оружие, Шило вышел на середину помещения. Смачно сплюнув под ноги, он приказал лупатому:

— Двигай к выходу, Налим! Лажанулся ты на полную катушку. Мы с Тетерей тебя все время по городу пасли. Ждали, когда ты засветишься. — В глазах бандита зажглись тусклые огоньки. — Не надо было крысятничать. Ты полностью в говне. Как отмоешься?

С каждым словом парень бледнел все больше и больше, пока его широкоскулое лицо не стало походить на предсмертную маску из белоснежного гипса. Святой, никого не упускавший из виду, понял, что в таком состоянии верзила готов на многое. Когда человека припирают к стенке, он превращается в животное, движимое лишь инстинктом самосо-

хранения. Но обладатель фальшивых долларов оказался хитрецом. Опустив голову, Налим шагнул навстречу судьбе. Ничего в его облике не говорило о том, что он приготовился сопротивляться до конца.

Обманутый его сникшим видом, Шило удовлетворенно шмыгнул длинным носом, похожим на птичий клюв:

— Тетеря, забери баксы у бабы и двигай к тачке.

Напарник наморщил узкий дегенеративный лоб, указывавший на недостаток серого вещества:

— Чего? Всю «капусту» сгребать?

— Долбанулся! Только наши столыники, — уточнил задачу Шило, добавив на повышенных тонах: — Резче, Тетеря, резче... Девочка, ты ментов уже вызвала? — Вопрос адресовался затаившейся в каморке блондинке. — Не бойся, красавица, нам чужого не надо!

Ответа не последовало. Кассирша, окоченев от страха, царапала, обламывая ногти, выпуклость сигнальной кнопки. Кошмар каждого работника обменного пункта — вооруженный налет, — похоже, становился страшной реальностью. Но бандитов интересовало не содержимое кассы, а прежде всего позеленевший от злобы и страха приятель.

Дальнейшие события развивались со скоростью сходящей с горных склонов снежной лавины. Сделав шаг, Налим резко развернулся, схватив за горло журналистку. Используя Дашу вместо живого щита, верзила запустил правую руку за обшлаг модного, свободного покроя пиджака.

«У него ствол в наплечной кобуре!» — догадка молнией сверкнула в голове Святого.

Подобравшись, словно сжатая до предела пружина, он оттолкнулся от пола. Описав в воздухе дугу, обрушился всей массой тела на девушку и вырвал Дашу из рук преступника. Падая, Святой успел сделать выпад ногой, доставшей мясистый подбородок лупатого. Тот, клацнув зубами, запрокинулся назад. А палец Налима непроизвольно нажал на курок «макарова», плюнувшего в потолок свинцовым горохом пуль.

— Твари!.. — давясь кровью и крошевом разбитых зубов, взывл ошеломленный бандюк.

Пули, отражаясь от бетонных плит перекрытия, служивших одновременно и потолком обменника — хозяева пожадничали при ремонте облагородить верх помещения хотя бы пенопластовой дешевкой, — уходили рикошетом вниз, разыскивая цель.

Накрыв собой девушку, Святой не слышал канонады. Он чувствовал лишь дыхание Дарьи и липкий ручеек огненно-горячей жидкости, заструившейся из его правого предплечья.

«Поймал свинцовую примочку», — понял бывший спецназовец, не единожды испытывавший подобные ощущения.

Буквально вдавленная в пол, девушка застонала. Но лишь когда выстрелы смолкли, Святой осторожно приподнялся на локтях, давая возможность спутнице вздохнуть. Пороховой дым сизой пеленой затягивал помещение. В этом белесом сумраке бесшумно передвигались две фигуры. Напрягая зрение, Святой убедился, что все закончилось. По крайней мере, этап разборки с лупоглазым пареньком, еще недавно мнившим себя хозяином жизни, вступал в финальную стадию.

Налим сидел, прислонившись спиной к стене. По его лицу водопадом струилась кровь. Красная жижа хлестала из макушки, проломленной рукояткой пистолета.

Остроносый, сумевший довершить начатое неожиданным союзником, саданул жертву стволом и для страховки — по подбородку. Потерявший сознание Налим не издал ни звука.

— А ты, кореш, ништяк! Видать, бабу свою очень любишь, — с одобрением произнес Шило.

Как настоящий джентльмен, он протянул Даше руку, и девушка не решилась отказать вооруженному человеку. Святой встал сам, прикрывая кровотокающую рану ладонью.

— Базарить некогда, да и ты мужик конкретный... Одним словом, ментам лишнего не говори. Так, нагони пурги всякой. Мол, кто сечу устроил, не разглядел. Лиц не запомнил и

так далее, — буравя Святого тяжелым взглядом прирожденного убийцы, произнес бандит.

— Не вопрос, — ответил Святой, чтобы поскорее увести Дарью из обменника, ставшего ареной бандитской разборки.

Заметив кровь, окрасившую его пальцы, Шило достал из кармана несколько смятых зеленых купюр:

— Возьми бакарей за сообразительность и на лекарства. Зацепило крепко?

— Терпимо, — скрипнув зубами то ли от боли, то ли от отвращения, сказал Святой, но принял деньги.

Тем временем второй громила, выполняя предписания шефа, обрабатывал кассиршу. Наставив на девушку пистолет, Тетеря изъясил купюры. Аккуратно скрутив деньги в трубочку, он сунул их в задний карман брюк. Просунув в окошко волосатую руку, украшенную массивным золотым браслетом, бандит ущипнул девушку за щеку:

— Послушная телочка. Она ведь не будет слишком много болтать?

Кассирша полузадушенно пискнула:

— Не-а... Не убивайте меня, мальчики...

Но ее слезной просьбы бандиты уже не слышали. Подхватив свою жертву под мышки, парочка направилась к выходу. Следом за Налимом тянулась жуткая кровавая дорожка, а его ноги, обутые в шикарные ботинки с тускло блестящими пряжками, беспомощно волочились по полу.

Выйдя на залитую солнечным светом улицу, Шило воровато огляделся. Откуда-то из-за поворота донесся надрывный звук сирены милицейской машины. Зашвырнув пленника на заднее сиденье темно-синего «Опеля», пара заняла передние места в салоне. За рулем устроился Тетеря, немедленно провернув ключ в замке зажигания. Двигатель «Опеля» ритмично заурчал, и машина тронулась с места.

Напоследок, словно прощаясь с обменником, Шило повернулся, рассматривая сквозь заднее стекло лестницу, обрамленную металлическими перилами, выкрашенными ядовито-зеленой краской. По ней, хватаясь за поручни и под-

держиваемый девушкой, поднимался темноволосый мужчина, невольно оказавший им неоценимую помощь.

— Блин, кореш тоже оперативно линяет, — отметил Шило.

— Видать, мужику не с руки с ментурой разбираться, — добавил водитель, вдавливая педаль газа до упора.

Выскочив на Каширское шоссе, машина влилась в поток автомобилей. «Опель» двигался на максимально допустимой скорости, в меру осторожно, чтобы не привлекать внимания бдительных гибэдэдэшников. Груз — оглушенный Налим с содранным куском скальпа на макушке — лежал ничком, пачка обшивку сидений сочащейся из раны кровью, которая никак не хотела свертываться. Впрочем, это уже не имело значения.

У бетонных бассейнов — очистных сооружений крупного машиностроительного завода, коптившего небо на окраине столицы, — расположилась странная компания. Нет, в людях, толкущихся возле черного как вороново крыло джипа «Гранд Чероки», не было ничего особенного. Амбал бычьей комплекции швырял камнями в гущу стаи ворон, пытаясь зашибить какую-нибудь пернатую тварь, второй внимательно наблюдал за стрелковыми упражнениями приятеля, отпуская по ходу тренировки едкие замечания, обильно сдобренные матерком. Поодаль от них, присев на прогретый солнцем бетон бортика гигантского открытого бассейна-отстойника, курил сухощавый мужчина, одетый, несмотря на жару, в строгий деловой костюм. Он вглядывался в коричневую воду, подернутую сизой маслянистой пленкой и украшенную хлопьями пены, переливающейся всеми цветами радуги. Гладко выбритое лицо мужчины отражалось в воде, собравшей всю грязь огромного завода.

Странное место для пикника было выбрано представительной компанией хорошо одетых, приехавших на дорогой машине людей. Удушливые испарения, особенно тяжелые летом, поднимались из бетонных чаш. Чахлые кусты и рахитичный осинник придавали территории очистных сооруже-

ний невыносимо тоскливый вид. Даже бомжи, крутые экстремалы помоек и подземных канализаций, не смогли обжить эти безлюдные места, дымящиеся ядовитыми испарениями в любую пору года, словно долина гейзеров. Мертвую зону забетонированных сточных канав навещали только рабочие предприятия, обслуживающие очистные сооружения. Компания же, облюбовавшая укромный уголок загаженной природы на фоне заводских труб, потела разве что на тренажерах в спортивных залах, а не в заводских цехах.

— Шеф, ребята едут! — закричал громила, сделав еще один неудачный бросок по птицам.

Сидевший на парапете человек глубоко затянулся, докурив сигарету. Встав, он отряхнул брюки, пристальным взглядом встречая вынырнувший из осинника вишневый «Опель». Элегантно одетый господин, выбравший место для странного пикника, криво улыбнулся, когда из салона машины окровавленным кулем выкатился лупоглазый посетитель обменного пункта.

— Здравствуй, Налим! — с тихой издевкой поприветствовал он пленника.

Корчась в пыли, пучеглазый отползал к кустарнику. Его лицо было пепельно-серым то ли от страха, то ли от слоя оседавшей пыли, взвихренной ногами окружавших людей. Главарь медлил, наслаждаясь моментом. Он неторопливо расстегнул и снял пиджак. Подскочивший Тетеря на лету подхватил добротную вещь.

— Решил покрысятничать? — задал вопрос главарь.

Он возвышался над жертвой в белоснежной рубашке, перечеркнутой желтой линией ремня наплечной кобуры с пистолетом. Налим смотрел, впиваясь глазами, на вороненую рукоять оружия.

— Воровать — смертный грех! Ты читал Библию, Налим? Ты вообще буквы в школе учил? — по-отечески спрашивал элегантный господин, надвигаясь на распростертого в пыли человека.

Тот загнипнотизированно, словно кролик на удава, пялил-

ся мутными от слез глазами на итальянские туфли из выделанной телячьей кожи, в которых щеголял говоривший. Туфли ни секунды не стояли на месте, словно их носил танцор или разминавшийся перед матчем футболист. Главарь стаи, собравшейся у отстойников, и впрямь походил на спортсмена, мастера погонять мяч. Под тканью брюк вырисовывались развитые, накачанные бедра. Впалый живот свидетельствовал о развитом прессе, а бугрившиеся на непропорционально длинных руках мышцы — о пристрастии к гирям и турнику. Только руки, похожие из-за своей длины на обезьяньи конечности, и ранняя лысина от лба до затылка портили внешний вид господина.

— Ты круглый дурак, Налим. Жадная, безмозглая, тупая тварь. Хотел всех подставить? — продолжал «футболист». — В ментуре всех бы позакладывал...

Парень приподнялся, чтобы попробовать оправдаться, и энергично затряс разбитой головой:

— Бля, Марадона, козлом буду, по дурке залетел. Взял пару баксов на пробу. Прости, руки зачесались. А братанов я никогда не сдам... Отвечаю...

Пламенную речь оборвал удар в лицо. Бил главарь. Профессионально, с замахом, словно исполнял одиннадцатиметровый. Воронье, вспугнутое утробным воем лупатого, поднялось в небо с пронзительным карканьем. Компания амбалов наблюдала за расправой, стоя на почтительном расстоянии и скрестив руки на груди. Изредка кто-нибудь оглядывался, изучая унылые окрестности, чтобы убедиться, что посторонние свидетели при разборке не присутствуют. Лица мордovorотов оставались непроницаемыми. Лишь остроносый Шило, втянув воздух ноздрями, скороговоркой заметил:

— Молодость Марадона вспомнил. Уроет козла ногами.

Четверо здоровенных мужиков как по команде поежились, словно попав посреди жаркого летнего дня под порыв невесть откуда налетевшего ледяного февральского ветра.

Вопреки предположениям, главарь быстро прекратил портить итальянскую обувь. Пучеглазому и так крепко доста-

лось: разбитый нос был свернут набок, а широкое лицо походило на приготовленную для жарки с кровью отбивную.

Присев на корточки, главарь взял жертву за подбородок.

— Налим, открой пасть, — приказал он и, обернувшись, крикнул: — Баксы принесите!

Развернув скрученные трубочкой две купюры по сто долларов, мужчина скомкал деньги. Приподнял голову лупатого, потерявшего способность к сопротивлению, и затолкал бумажный комок в его окровавленный рот.

— Глотай наживку, Налим! Поскорее проглатывай баксы. Они ведь почти настоящие и теперь твои, — приговаривал элегантный господин.

Парень отплевывался, мотал головой и мычал, пытаясь что-то объяснить. Но палач был неумолим. Он давил коленом на грудь жертвы. Пачкая манжеты рубашки кровью, заталкивал скруток жесткими, как стальные прутья, пальцами все глубже и глубже. Со стороны могло показаться, что заботливый хирург пытается извлечь что-то вроде рыбной кости из глотки задыхающегося пациента.

— Нахавался чужого, дружок? — с издевкой спросил главарь.

Совершив некий, понятный только присутствующим ритуал, он поднялся и энергичным жестом подозвал подручных. Четверка головорезов опрометью, точно сорвавшиеся с цепи псы, бросились к хозяину.

— Поднимите эту падаль. Пора нашему другу принять ванну. — Глазами, серыми, как бетон, мужчина указал на бассейн, в котором клокотала вода.

Автоматические задвижки медленно открывались, впуская в каменные чаши очередную порцию жидкой грязи. Воды, выполнившей свою миссию в цехах промышленного гиганта, отравлявшего воздух и недра Подмосковья. Бурая жижа билась о борта отстойника, кружилась водоворотами, распространяла вокруг невыносимое зловоние.

Пленника заставили встать на колени лицом к воде. Налим балансировал, раздвигая ноги, чтобы удержаться на не-

широком бортике отстойника. Внизу пенилась грязная бездна, от которой поднимались столбы ядовитых испарений. Пленник зажмурился, стараясь не смотреть вниз. Он лишь тихо подвывал забитым бумажным кляпом ртом:

— Марadona, не надо...

Достав из кобуры пистолет, главарь, не целясь, навскидку выстрелил в мясистый загривок приговоренного. Вылетевший из ствола свинец с яростной силой раскромсал череп Налима и устремился дальше, увлекая за собой тело. Туша бандита качнулась, как подрубленное дерево. Через долю секунды раздался громкий всплеск.

Нечистоты приняли убитого, сомкнув над ним бурый саван.

Примерно в это же время, на другом конце города, в кабинете районного отделения милиции, пожилой майор снимал свидетельские показания.

Перед ним, обхватив голову руками, сидела зареванная блондинка, хлопавшая слипшимися от поплавшей туши ресницами. Девушка непрерывно икала и просила то сигарет, то стакан воды. Майор с неприязнью искоса поглядывал на эту мокрую курицу, которая никак не могла справиться с истерикой, чтобы дать четкие и вразумительные ответы на поставленные вопросы.

Вообще инцидент в обменнике отличался нелогичностью и бессмыслицей. Трое быков устроили бандитскую разборку со стрельбой в потолок. При этом пострадали посторонние люди, поспешившие исчезнуть до приезда милиции. Никакого заключения экспертизы еще не было. Но пятен крови, как и стреляных гильз, на полу осталось предостаточно.

— Давайте, уважаемая, успокоимся и уточним некоторые детали, — произнес майор, одновременно размешивая в стакане шипучий порошок разрекламированного лекарства для желудка.

— Какое успокойся... Я чуть не родила в этой конуре! Вы рожи этих козлов видели? — Неожиданно протянув руку, де-

вица взяла стакан со снадобьем, залпом его ополовинила и поставила обратно.

— Не видел, — выдавил майор, допивая остатки.

— Вот! А я эти хари никогда не забуду. Один страшнее другого... И еще пугать меня вздумали. Им и рта открывать не надо, чтобы нормального человека до смерти напугать, — скороговоркой выпалила девушка. — Слава богу, что на бабки не выставили, кассу не тронули. Забрали свои поганые фальшивые стольники и смотались. Господи, прямо от вас пойду в церковь, свечку поставлю.

Поглядывая в зарешеченное окно, майор отвлеченно наблюдал за прыгающим по подоконнику воробьем. Дело, по мнению старого служаки, не имело перспектив на раскрутку: ограбления не произошло, свидетели испарились, подозреваемых и подавно след простыл. Где искать неуравновешенных парней в многомиллионном мегаполисе? Принадлежат ли они к преступной группировке или просто чего-то не поделили между собой? В нынешние времена люди легко хватаются за оружие, решая проблемы радикальным способом — контрольным выстрелом в голову.

Майор, отрубивший в милиции не один десяток лет, с ностальгией вспомнил прошлое, когда приходилось заниматься преступлениями, как правило, совершенными на бытовой почве. Какой-нибудь алкаш, порезавший по пьяни жену или дружка, кололся уже на первом допросе, не читая, подписывал протокол. Теперь все было по-другому. К допившимся до чертиков идиотам добавились крутые ребята с тугими кошельками, обширными связями, лучшими адвокатами, со своими взглядами на жизнь. Для них преступление или даже убийство было продолжением бизнеса, разновидностью предпринимательства, формой разрешения деловых конфликтов. Новых хозяев жизни майор ненавидел всей душой. Но, как человек бывалый, на рожон не лез, потихоньку дорабатывал до пенсии. Сейчас он торопился закончить допрос, составить отчет для начальства и передать дело следственной части.

— Так вы утверждаете, что клиент пытался сдать фальшивые доллары? — Майор переключил внимание на зарезанную блондинку.

Та успела поправить макияж, но от этого лучше выглядеть не стала.

— Ультрафиолет не гасил магнитного излучения. Понимаете... — Девушка привстала, готовясь пуститься в долгие объяснения.

Хозяин кабинета, не горевший желанием вникать в технические подробности специфики проверки валюты, жестом осадил ее:

— Ладно. Не повторяйтесь. Я уже внес ваши показания в протокол. Может, ваша машинка, того, ошиблась? Перегорела какая-нибудь деталька? Клиент хотел нормальные американские деньги поменять, а вы его в фальшивомонетчики записали. Техника бывает капризной похлеще любой симпатичной женщины.

Шутка майора не прошла. Девушка презрительно сжала губы, надменно взглянув на глуповатого, по ее мнению, мента с воротником и погонами, белыми от перхоти:

— У нас сбоев в работе не бывает. Тестер исправен на сто процентов. Можете проверить.

— Обязательно.

— Кроме того, я чувствую фальшак!

— Чем? — игриво уточнил хозяин кабинета.

Брови девушки изогнулись дугой, а глаза по-кошачьи сузились. Она бесцеремонно затушила тлеющую сигарету о граненый бок стакана, стоявшего под носом майора, зашвырнув окурочек внутрь:

— Не тем, чем вы думаете! Кончиками пальцев... понятно?

— Яснее не бывает. — Майор тяжело вздохнул, разочарованный тем, что его юмор не оценили по достоинству.

Пробежав глазами протокол, он расставил недостающие знаки препинания. Затем скрепил листы погнутой скрепкой, подровнял края и еще раз перелистал:

— Прочитайте внимательно и распишитесь на каждом листе. Обязательно поставьте дату.

Заполучив бумаги с подписью, он проводил свидетельницу до двери.

Расправив листы ладонью, сложил протокол в папку и приложил к нему конверт с деньгами, найденными на полу обменника.

ГЛАВА 2

Рабочий день у Ольги Ивлевой, главного технолога комбината по производству бумаги, начался с неприятностей. Поставленное по контракту сырье, целлюлоза из Ленинградской области, оказалось полным дерьмом, не отвечающим никаким технологическим требованиям.

«Из такого сырья даже картона для упаковочных коробок не сделаешь, только выведешь из строя производственные линии», — размышляла Ивлева, разглядывая образцы, доставленные со склада.

Она сидела в своем кабинете, расположенном наверху трехэтажного административного здания управления комбината. Отсюда просматривалась вся территория предприятия: чистая и ухоженная, не загроможденная индустриальным хламом. Крупнопанельные корпуса стояли под добротными крышами, выкрашенными веселенькой лазоревой краской. В тон были покрашены и трубы вентиляции, опутывавшие здания. Кое-где виднелись газоны с ковром из зеленой, ровно постриженной травы, декоративные островки кустов и деревьев. По территории в аккуратных спецовках сновали рабочие, уступавшие дорогу оранжевым электрокарам или грузовым автомобилям. Порядок на этом небольшом предприятии сразу бросался в глаза. Но так было не всегда.

Еще недавно комбинат загибался от отсутствия заказов, безденежья и, как следствие, повального бардака и пьянствующих от безысходности рабочих. По цехам неприкаянно слонялись группы людей, а линии простаивали, покрываясь

ржавчиной. Умиравший комбинат, предназначенный для выпуска высококачественной бумаги, производил только обертки для дешевых конфет и картон, больше напоминающий наждачную бумагу.

Дальше стало еще хуже. Предприятие приватизировали, купив за бесценок акции у отчаявшихся рабочих. Новые хозяева продержались недолго, переключившись на более выгодный бизнес — торговлю сырьем. Контрольный пакет акций переходил из рук в руки. Никто предприятием толком не занимался. Люди начали разбегаться с дышащего на ладан комбината.

Но три года назад очередные владельцы взялись за производство всерьез. Они сменили команду управленцев, пригласили новых специалистов. Помаленьку дела пошли в гору. Памятный финансовый кризис больно ударил по комбинату, но предприятие осталось на плаву. Выживать помогали сноровка, готовность выполнить любой заказ в срок, высокий уровень специалистов и сохраненное, несмотря ни на что, оборудование.

Ольга Ивлева была на комбинате человеком пришлым. Ее пригласили в команду сразу на ответственную должность главного технолога. Точнее, она сама напросилась, прочитав объявление в местной газете. Предшественник, проработавший на комбинате с момента открытия, не выдержал тягот российской жизни, упаковал чемоданы, получил израильскую визу и убыл искать лучшей доли на земле обетованной.

Ольга до переезда в Подмоскowie жила на Дальнем Востоке. Муж Ивлевой был морским летчиком. Он служил на большом противолодочном корабле. Экипаж часто заступал на боевое дежурство. Корабль выходил на патрулирование в океан.

Однажды, в сезон страшных осенних штормов, радист принял сигнал бедствия с тонущего сейнера. Командование дало разрешение провести акцию по спасению рыбаков. С борта корабля поднялся вертолет, ведомый мужем Ольги.

При попытке спасти членов команды злосчастливого сейнера произошла катастрофа. Вертолет, зацепившись лопастями винта за верхушку мачты, рухнул вниз. Военного летчика Ивлева забрало море.

Рано овдовев, Ольга так и не вышла повторно замуж. Сестра, будучи на три года старше Ольги, пошла по ее стопам. Ровнехонько с интервалом в три года от свадьбы младшей она сама отправилась под венец с офицером, балагуром и весельчаком, выпускником Рязанского училища десантных войск, новоиспеченным лейтенантом Василенко.

После трагедии сестра звала Ольгу к себе. Но сама вела кочевой образ жизни, меняя гарнизоны, снимая квартиры. Никодимыч, так ласково называли в семье офицера-десантника, на месте не засиживался. Сестры виделись все реже.

Ольга сосредоточилась на работе, а сестра занималась воспитанием маленькой дочки, учительствовала, вела домашнее хозяйство. Казалось, у каждой сложилась своя жизнь, и жаловаться на судьбу бесполезно и унизительно. Но, идя в церковь, а Ольга стала часто посещать храм, она ставила две свечи: заупокойную — в память мужа и заздравную — за командира десантников.

Подразделение Василенко перебрасывалось из одной горячей точки в другую. Весельчак Никодимыч при встречах стал меньше шутить, но по-прежнему звал перебраться поближе:

— Надо держаться вместе. На переезд денег соберем и жильё купим.

Зимой девяносто четвертого года разведывательные десантные машины командира батальона майора Василенко двинулись маршевой колонной к Грозному. Начиналась чеченская война. Для комбата она закончилась среди горящих городских развалин. Новогодний штурм, начатый по приказу тупых, опившихся водкой генералов, захлебнулся в солдатской крови. Батальон Никодимыча расстреливали снайперы, жгли гранатометчики, и никто не пришел ему на помощь. Ос-

татки десантников раненый командир вывел к окраинам города-ловушки.

Узнав о горе сестры, Ольга срочно вылетела в Москву. Помогала ухаживать за распятым на госпитальных растяжках комбатом, на котором живого места не осталось. Никодимыч бодрился, переносил операцию за операцией, говорил, что две сиделки — это слишком много и что он уже пошел на поправку. Но Ольга, навещавшая раненого в Центральном военном госпитале, видела обратное. Майор будто сломался внутри.

Похожая участь выпала и его соседу по палате — темно-волосому молчаливому спецназовцу, выполнявшему какое-то рискованное задание в горных районах Чечни. Ольга не стремилась узнать всех подробностей, да и не принято здесь болтать языком. Спецназовец, Дмитрий Рогожин, которого все звали Святым, тоже говорил о предательстве.

— Берегите майора. У него сердце пошаливает, — повторял Святой, провожая Ольгу по больничному коридору, пропахшему лекарствами.

С тех пор она запомнила Дмитрия Рогожина. Комбат характеризовал своего соседа по палате так:

— Стальной мужик. Никогда не подкачает.

Ивлева вернулась в Приморье, но все чаще задумывалась о переезде. Сестре приходилось тяжело с мужем-инвалидом на руках и стремительно взрослеющей дочерью. Катюха из белобрысой пигалицы превращалась в длинноногую девицу, на которую оборачивались не только сверстники, но и солидные мужчины. Сестра жаловалась, что отношения с дочерью не складываются, но Ивлева не придавала этому значения. Вскоре ей пришлось убедиться на собственном опыте — большие дети приносят большие проблемы. Но этому предшествовали трагические события...

Сердце комбата Василенко не вынесло подлости военных чинуш. Обширный инфаркт не оставил майору шансов на спасение.

Жена очень быстро сошла за мужем в могилу. Стоя на Котляковском кладбище, у свежего могильного холмика из рыжего суглинка, Ольга приняла решение переехать, чтобы быть рядом с племянницей, единственным родным человеком на земле.

Но время шло, а Ивлева никак не могла стронуться с места. А с дочерью комбата, красавицей Катей, происходило что-то неладное. Она перестала звонить, торопить с переездом. По слухам, Катя Василенко попала в дурную компанию, опустилась и крепко подседа на наркотики.

Бросив все, Ивлева рванула в Москву спасать племянницу. Исхудавшая, одни кожа да кости, с черными кругами под глазами, Катерина лежала в частной клинике, специализировавшейся на лечении наркоманов. Строгая докторша, заправлявшая этим хозяйством, призналась Ольге:

— Вашей родственнице повезло. Девочку от края пропасти отвели. Такой коктейль употребляла, что еще месяц — и финиш...

Ольга схватилась за сердце.

— Кто, кто помог? — с придыханием спросила она.

— Благодетель. Девочку привез. Аванс на лечение дал. У нас, знаете, медикаменты крайне дорогие. Гемодиализ, плазмозофорез и прочие методы стали доступны лишь для состоятельных людей. Медицина нынче роскошь. — Врачиха удрученно покачала головой, давая понять, что не одобряет такое положение вещей.

— У меня есть сбережения, — пробормотала Ивлева.

— Не надо. Все счета оплачены вперед.

— Кем?

— Дарьей Углановой, — ответила врачиха. — Она платила по поручительству Дмитрия Ивановича, убившего в длительную командировку. Вот он-то и есть ваш благодетель.

«Дмитрий Иванович... Дмитрий... — прокручивалось в мозгу ничего не понимающей женщины, перед глазами которой рябило от цифр на бланках счетов за процедуры и лекарства. — Темноволосый красавец, показавшийся мне не-